

ОПАСНЫЕ ЗАГОВОРЩИКИ ИЛИ НЕВИННЫЕ ЖЕРТВЫ!

Уже в феврале состоялись первые казни: к смерти были приговорены пять человек, среди них знаменитый полководец князь Александр Борисович Горбатый вместе с 17-летним сыном Петром. Но это было только началом. Люди с ужасом узнавали о все новых и новых заговорах и *“великих изменных делах”* тех, кто до сих пор исправно выходил на государеву службу, командовал войсками, одерживал победы. Курбский еще по поводу казней предопричных лет вопрошал царя: *“Что провинили пред тобою и чем прогневали тякритьянскии предстатели? Не прегордые ли царства разорили и подручны тебе их во всем сотворили?.. Не претвердые ли грады ерманские (ливонские. - В. К.) тцанием разума их от бога тебе данны быша?”*

Сегодня мы не в состоянии ответить на вопрос, все ли заговоры были созданы царскими подручными в застенках или хотя бы часть из них была реальной, шли ли русские бояре покорно на плаху или хоть кто-то из них пытался сопротивляться? У нас нет возможности определить вину или невиновность каждого отдельного человека из числа казненных. Ведь дошли до нас лишь глухие сведения, что государь на такого-то своего подданного *“опалился”*, велел его казнить за *“великие изменные дела”*, а то и просто - велел казнить, и все, без объяснения причин. Сами же следственные дела, *“розыски”*, не сохранились.

Но и прочитай мы их, все равно не вышли бы из тупика: ведь все показания во время следствия добывались только одним путем - пыткой.. А ценность признаний, полученных от человека, подвешенного над огнем с вывернутыми суставами, со спиной, истерзанной ударами' кнута из твердой сыромятной кожи, приближается к нулю. Тем более что мы знаем, как царь Иван буквально подсказывал обвинительные показания. До нас дошла запись проведенного царем лично в январе 1574 года допроса русских людей, вернувшихся из крымского плена. Несчастных под пыткой спрашивал царь:

“Хто ж бояр наших нам изменяют: Василей Умной, князь Борис Тулупов, Мстиславской, князь Федор Трубецкой, князь Иван Шюйской, Пронские, Хованские, Хворостинины, Микита Романов, князь Борис Серебряной?”

Многие из названных находились тут же, а один из них - Василий Умный Колычев даже был главным распорядителем допроса. Так и видишь, как царь пальцем указывает подследственным на своих приближенных и спрашивает: этот? этот? А в том, что кто-то из них обязательно изменник, царь заранее уверен.

О заговорах против Ивана Грозного пишут и некоторые иностранцы: уже упоминавшийся Генрих Штаден и померанский дворянин, живший в

плону в России, Альберт Шлихтинг. Казалось бы, тем самым сведения о заговорах против царя подтверждаются. В самом деле, и Штаден, и Шлихтинг крайне недоброжелательно относятся к царю Ивану, стараются подчеркнуть тиранический характер его правления. И если уж они признают, что царь казнил не невинных людей, а заговорщиков, то им как будто можно доверять. Примерно так рассуждали многие историки.

Однако, анализируя сообщения иностранцев, необходимо поставить перед собой по меньшей мере два вопроса: какую цель преследовали авторы этих сочинений и какой информацией они располагали. Ни Штаден, ни Шлихтинг не участвовали непосредственно в расследовании “изменных дел”, а лишь слышали то, что официально объявлялось о вине казненных. Никаких других источников информации у них быть не могло. Нельзя же в самом деле предполагать, что заговорщики (если они были) настолько потеряли голову, что посвятили в свои планы безвестных немцев, не обладавших никаким влиянием. Не менее невероятно, чтобы русские люди, боявшиеся в обстановке всеобщего страха подвергнуть сомнению официальную версию в разговорах с друзьями, решились пойти на это в беседе с иностранцем.

Вместе с тем целям, которые ставили перед собой авторы, вполне отвечала официальная ложь правительства о вине казненных. Шлихтинг писал свое сочинение по заказу тех кругов в Речи Посполитой (объединившиеся в 1569 году Великое княжество Литовское и Польша), которые настаивали на продолжении войны с Россией. Поэтому он стремился показать слабость России, доказать, что стоит пойти в решительный поход, как все подданные отшатнутся от царя-тирана и охотно перейдут под власть короля. Характерны в этом отношении такие слова Шлихтинга:

“Кроме опричников, никто не расположен к тирану. Если бы его подданные только знали, у кого они найдут безопасность, они, наверное бы, отпали от него. Когда, три года тому назад, Ваше Королевское Величество были в походе, то много знатных лиц, приблизительно 30 человек... письменно обязались, что передали бы великого князя вместе с его опричниками в руки Вашего Королевского Величества, если бы только Ваше Королевское Величество двинулись на страну. Но лишь только в Москве узнали, что Ваше Королевское Величество только отступали, то многие пали духом”.

Шлихтинг таким образом как бы призывает короля: смелее, вперед на Москву: победа будет легкой!

Другой автор, Генрих Штаден, опричник, бежавший вскоре после отмены опричнины из России, составил “План, как... завоевать Русскую землю” и подал его императору Рудольфу II. Тот, кто представляет такой проект на рассмотрение имперского сейма, должен доказать, что эта операция осуществима, показать внутреннюю слабость России. И

автобиография Штадена, и составленное им описание страны - лишь приложения к главному, к плану завоевания России. И опять-таки официальные сообщения о бесчисленных заговорах приходятся Штадену как нельзя более кстати. Вот почему иностранные известия о “заговорах” не более достоверны, чем русские официальные сообщения.